

Ольга Барбанель

Иллюзии

*Уйти, оставив позади
Несбывшихся желаний след,
Мечты забытой полубред,
Так просто, будто гаснет свет в окне.
Свой долгий одинокий путь
Окончить захотелось мне.
Бесстрастна, холодна, пуста,
К себе манила темнота.*

Что, черт возьми, тут происходит?

В просторном помещении было дымно от чадающих светильников, толстые деревянные балки, поддерживающие потолок, покрывал толстый слой копоти. В зале яблоку негде упасть, на грубо сколоченных скамейках сидели по трое-четверо. Пышнотелые девушки, разносящие еду и непонятный напиток в кружках, буквально сбивались с ног. Посетители горланили песни, хохотали, ругались, требовали еще кружку, и все это сливалось в сплошной гул. Пахло потом и пригоревшим мясом. Через открытую дверь в подсобное помещение было видно, как хозяин жарит на вертеле кабана.

Что это, осознанное сновидение?

Я потер глаза. Потряс головой и ущипнул себя. Фиг там. Ничего не изменилось.

Зал не исчез, но был по-прежнему забит мужиками в полотняных рубашках, жилетах и высоких сапогах, а также сомнительного поведения дамами с глубокими декольте и длинными юбками. Никто не выглядел удивленным, только я, как дурак, сидел с открытым ртом.

Средневековая таверна? Какого черта мне снится такая ерунда!

Я закрыл рот и встал, чтобы выйти отсюда. Сон или нет, но дышать зловонными парами не хотелось.

— Эй, куда собрался?

Здоровенный детина, одетый побогаче остальных и со шпагой на поясе, перехватил меня за плечо и загоготал. Хватка была крепкой, и плечо болело. А мне казалось, во сне боли нет. Его спутники разразились одобрительными криками. Я сбросил руку с плеча и сделал шаг назад. Детина, ухмыляясь, обнажил клинок. На стали заиграли блики света. Я огляделся, ища, что можно использовать вместо оружия и стараясь сохранять трезвость мысли. По телевизору как-то слышал, что главное в таких ситуациях — не паниковать и продумывать свое поведение на два шага вперед.

Я толкнул стол в сторону неумело

размахивающего шпагой амбала. Тот свободной рукой отпихнул его и, сделав выпад, почти достал меня клинком. Нет, это уже совсем мне не нравится.

Я уклонился от еще одного выпада, но зацепился ногой за скамью и упал. Кончик шпаги вдруг оказался слишком близко. Секунда — и пятьдесят сантиметров стали войдут в мое тело. Это не мужественно, но я зажмурился. На руку закапало что-то горячее.

Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как из брюха амбала быстро исчезает чья-то шпага, и откатиться в сторону от падающего на меня тела.

В этот же момент в таверну вошли трое в черном и одновременно повернули головы в мою сторону.

Сердце пропустило удар, другой.

Меня схватили за шиворот и поставили на ноги. Я не мог оторвать глаза от крови, текущей из раны на животе детины. Она казалась такой реальной! Как и болезненный хлопок по плечу.

— Эй, послушай меня. Нам нужно бежать, и очень быстро, прямо в это окно. Понял?

Я повернул голову и уперся взглядом в пару синих холодных глаз.

Неизвестный ловко схватил стол и бросил в собирающихся напасть спутников убитого, ногой

высадил стекло, и мы выпрыгнули из таверны. На улице было темно, мой спутник тащил меня за рукав куда-то вбок. Возле дерева была привязана лошадь. Через секунду он уже сидел в седле.

— Руку давай! — бросил он мне.

— Что?

— Не тормози! Руку, быстро!

Я протянул руку, и меня закинули назад.

— Что происходит? — спросил я с трудом, поскольку лошадь неслась галопом и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не упасть. В седле я сидел первый раз в жизни и вынужден был цепляться за широкую спину сидящего впереди. Унизительное положение.

— У нас неприятности, — лаконично пояснил он, мотнув головой назад.

В темноте я ничего не разглядел, но интуитивно понял, что за нами погоня.

Ну и сон!

Запахи были такими реальными! Не знал, что во сне можно их ощущать. От лошади несло потом, а ночной воздух пах сырой землей и травой.

Лошадь мчалась вперед, слышен был стук копыт, и шумное дыхание животного, и какие-то приглушенные хлопки. Синеглазый выругался, когда лошадь под нами превратилась в дым и мы кубарем покатались по влажной земле.

Лошадь превратилась в дым?!

Переварить это событие мне не дали и снова потащили куда-то.

— Сюда, быстрее!

Огонек впереди, деревянный забор, в нем дверь, подвесной фонарь отбрасывает дугообразную тень. У меня уже сбилось дыхание от бешеной гонки. Мой спутник с размаху ногой распахнул дверь, и по глазам ударил яркий свет. От неожиданности я остановился, открыв рот, оглушенный уличным шумом. По обе стороны широкой улицы возвышались небоскребы, вокруг спешили потоки пешеходов, в зеркальной витрине рядом я видел свое отражение. Что это? Похоже на Нью-Йорк, центр Манхеттена. Меня толкнули.

— Что ты стоишь, как столб!

— Эй, парень, посторонись! — заорал продавец хот-догов, прокатив рядом свою тележку.

Незнакомец схватил меня за руку.

— Что ты стоишь? Быстрее!

— Но... Но как... Что вообще... — на бегу тяжело формулировать свои мысли четко. — Город?

— О, не обращай внимания, такое бывает, — небрежно махнул рукой он, и мы снова помчались, расталкивая людей, а вслед нам неслась ругань.

На синеглазом теперь был дорогой деловой костюм, а на мне — легкая куртка и джинсы.

— А, такси! Вот и отлично!

Незнакомец втокнул меня в машину на заднее сиденье, а сам быстро выкинул водителя и сел за руль. Мы ловко влились в поток машин.

— Ты как там, нормально? — поинтересовался он, не переставая бросать цепкие взгляды в зеркало заднего вида.

— Я не понимаю, что тут творится!

— Вот как? Но никто, кроме тебя, этого знать не может.

— Почему мы бежим?

— Потому что я хочу, чтобы ты выжил. О, черт! Таки нашли нас. Держись!!!

Незнакомец вывернул руль так резко, что я впечатался в противоположную дверцу, не успев даже выругаться. Вокруг протестующе загудели, когда наша машина сошла с дороги и поехала по тротуару.

— Что ты творишь, твою же мать! — заорал я.

— Ты должен жить, Артур! Не сдавайся!

— Я буду, если ты меня не угробишь! Черт, осторожно!

Машина заложила еще один крутой вираж и поехала прямо на огромное панорамное окно торгового центра.

— Нет, стой!!! — успел закричать я до того как понял, что сижу на верблюде. Кругом, величавая и огромная, простиралась пустыня.

Верблюды?! Мать мою за ногу!

— Не лучший вариант, — укоризненно произнес мой спутник, поправляя белую бедуинскую повязку на голове. — Верблюды еле тащатся, и к тому же жарко!

Он с азартом стал подгонять гордых животных криками. Мне показалось или вон с того бархана действительно кто-то спускается? Горячий воздух колыхался, и из-за этого предметы вокруг постоянно меняли очертание. Как же тут жарко!

— Впереди оазис! — синеглазый указывал куда-то вправо. — Туда-то нам и нужно.

Маленькая зеленая точка приближалась, вот уже можно разглядеть пальмы и синюю вожделенную воду. Жар пустыни немного отступил, и мы направили верблюдов прямо в озерцо с водой. Я закрыл глаза в предвкушении прохлады, и в лицо пахнул ледяной ветер.

— Ну и воображение у тебя! — прокомментировал незнакомец.

Перед нами был заснеженный склон горы, и деревья проносились мимо с большой скоростью. На нас были специальные комбинезоны, и через свои лыжные очки я мог видеть, как ловко синеглазый преодолевает сложные для спуска места.

Лыжи?! Да чтоб я провалился! На лыжах я не катался ни разу в жизни, а сейчас легко скользил за психом впереди.

Теперь я был уверен, что все это сон.

А на склоне мы больше уже не были одни. Три темных лыжника сзади стремительно сокращали дистанцию.

Я запнулся и кубарем полетел вниз, увлекая за собой приличное количество снега. Внизу виднелись острые камни, и тело напряглось, ожидая удара, но вдруг все пропало. Вокруг был только туман.

— Ты не должен сдаваться, — синеглазый стоял рядом. Его голос в тумане звучал приглушенно. — Борись!

— Я ничего не понимаю! Бороться? С кем? Или за что?

— За свою жизнь, — синеглазый обернулся. — Они уже близко. Я их задержу, а ты беги изо всех сил!

— Тут же ничего не видно, и этот туман... Куда бежать? И вообще, объясни, какого лешего тут происходит?

— Беги просто вперед. Ты сможешь! Ты должен это сделать. Беги, беги же!!!

Я никого не видел, но нутром ощутил приближение чего-то, и от этого внутри появился противный холодок.

Бежать — не такая уж плохая идея.

Подгоняемый голосом незнакомца, я помчался вперед. Но не чувствовалось движения в

этой молочной мгле — ни ветра, ни малейшего шевеления. Она гасила мои усилия, высасывала силы.

— Ты должен!!! — гремело в голове. Почему я слышу его голос?

Я бежал, бежал из последних сил, легкие горели, в глазах пульсировала кровь. Вдруг земля закончилась, оборвалась, и я еле успел отпрыгнуть назад. Впереди был обрыв, а сзади меня туман нехорошо клубился, собираясь исторгнуть из себя нечто.

— Прыгай!!! — настаивал голос.

— Да пошел ты! Тут высоко, а я не умею летать!

— Сам пошел! Я не могу сдерживать их вечно. Прыгай!

— Как? Обрыв ведь!

— Прыгай же!

— Нет!

Но я прыгнул.

Дыши!

— Давай, дыши!

— Разряд!

— Еще разок?

— Бесполезно. Прошло уже больше 6 минут.

Отмечайте время смерти.

— Жаль. Молодой такой! — сочувственный женский голос.

— Что поделаешь, нам не привыкать, — строгий мужской.

Что за бред?

— Итак, Рудь Артур Борисович, время смерти двенадцать часов сорок семь минут.

— Кто скажет маме?

— Иди ты, я в прошлый раз говорил.

Эй! Я жив! Не пугайте маму! Я попытался сказать этим коновалам, что я вовсе не умер, но почему-то не выходило. Вокруг все еще клубился туман. Но я должен им это сказать, а то маму хватит инфаркт! Я собрал всю волю в кулак и сосредоточился. Так, теперь нужно заставить губы шевелиться. Где у меня губы?

Я запаниковал. Не найти собственный рот?

Попытался поднять руки, но и руки куда-то делись.

Тогда я разозлился и вложил все свои силы в крик.

— Ну вы, молодой человек, и напугали нас, — пожилой врач строго качал головой. — Леночка до сих пор плачет. Всякое у нас бывало, но чтобы вот так — лежит себе труп спокойно, а потом вдруг как заорет!

— Ну простите, что вернулся к жизни, —

раздраженно ответил я. Моя нога болталась в полуметре над кроватью, ребра были перебинтованы, одна рука в гипсе. Адская боль, не утихавшая ни на секунду, не добавляла хорошего настроения.

— Это удивительно. Признаться, на моей практике еще не было такого, а работаю я уже тридцать лет! Чтобы через пятнадцать минут после клинической смерти пациент ожил, да не просто ожил, а был вполне дееспособен! Ваш мозг должен был уже претерпеть необратимые изменения, но, очевидно, этого не произошло! Удивительно!

Меня передернуло.

— Давайте оставим эту захватывающую тему, ок? Пропишите мне лучше обезболивающего.

— Пропишу, пропишу, не беспокойтесь. И в следующий раз будьте осторожнее, переходя дорогу!

Доктор наконец ушел, а я состроил жуткую гримасу бабуле на кровати напротив. Та возмущенно нахмурилась и засопела, но перестала наконец ломать о меня глаза.

Белый потолок, белые стены. Тоскливо! И все болит. Но боль хотя бы отвлекает, можно сосредоточиться на ней и забыть о реальности. Нет, я определенно не против боли.

Мам, я в порядке!

— Ты уверен, что не хочешь пожить пока дома?

— Нет, мам, я в порядке.

— Когда нормального человека переезжает грузовик, он не говорит «Нет, мам, я в порядке»!

— Мам, говорю же, я в порядке!

Мы проходили нудную процедуру выписки — распишитесь здесь, поставьте галочку тут, напишите в баночку на прощанье, сдайте кровь еще разок. Сколько литров крови у меня выкачали в этой гребаной больнице? Не врачи, а вампиры. Мама не облегчала ситуацию своим настойчивым желанием сгрести меня в охапку и утащить к себе, где она сможет спокойно и без помех душить свой любовью и контролировать каждый мой шаг. Что поделатать, семья, а ее не выбирают.

— Твою конуру даже домом нельзя назвать. Дом давно пора снести, а этот запах! Могу поспорить, что по квартире бегают крысы!

— Люблю грызунов, — рассеянно заметил я, натягивая джинсы. Эта простая процедура стала весьма болезненной после множественных переломов. Хотя, по словам врача, я смог поправиться в рекордно быстрые сроки.

— Милый, ну тебе же нужно набраться сил после этого случая! Разве ты будешь нормально питаться сам? И ты такой рассеянный, что можешь

просто забыть принять лекарства!

Я наконец смог натянуть футболку и теперь сражался со свитером.

— Мама, что я сказал, когда ушел из дома после школы?

Мама вздохнула.

— Что ноги моей там не будет, пока Игорь живет с тобой.

— Но ты несправедлив к нему и ко мне, кстати тоже! Неужели я не заслуживаю немного счастья?

— Заслуживаешь, конечно. И я не буду нарушать вашу идиллию.

— Только из-за того, что Игорь тяжело переживал твой подростковый бунт десять лет назад? Это глупо! Ты и правда был невыносим.

Я глубоко вдохнул и досчитал до десяти.

— Мама, давай не будем повторять все по новой. Ты знаешь, чем все кончается — я злюсь, ты плачешь. Я поеду домой, со мной все будет хорошо.

Мама обреченно передернула плечами.

— Я отвезу тебя. А завтра куплю продукты и приготовлю тебе поесть, и ничего не смей говорить!

— Хорошо.

Это был компромисс.

Наконец здание больницы осталось позади, и я с некоторым трудом залез в мамин джип. В одном отчиму не откажешь — он отлично обеспечивал

маму. И на этом спасибо.

Меня хотели выписать в понедельник утром, но я, как обычно, сделал все по-своему и выписался в пятницу вечером. Проторчать еще выходные в палате — нет уж, хватит.

Я наблюдал за бурлением жизни за окнами машины. Множество огней в витринах манили, супермаркеты выплевывали толпы людей, дороги заполнил транспорт. Суета пятничного вечера.

— Мам, я выйду тут.

— Артур, ну что ты в самом деле!

— Дорога тут плохая, темная. До моего дома три минуты. Езжай домой, мам.

— Но...

— Мам, ну правда. Я хочу побыть один.

Мама устало вздохнула и погладила меня по голове.

— Почему ты такой, Артур? Я еще помню чудесного жизнерадостного ребенка, каким ты был...

— Мне было пять лет, а сейчас уже двадцать пять.

— В двадцать пять жизнь только начинается! Прошу тебя, возмись за ум! Ты знаешь, если нужно помочь, я всегда готова.

— Пока, мам. Я позвоню.

— Да, да. Знаю я твое «позвоню».

Мама безнадежно махнула рукой и уехала. Я

вздыхнул с облегчением — люблю ее, но рядом с ней, образно говоря, всегда не хватает воздуха.

Я прошел по темной дороге, покрытой многочисленными выбоинами, к старому трехэтажному дому. Половина соседей давно съехали, и часть окон была темной, с выбитыми стеклами; жуткие, словно глаза мертвеца. Зато квартиры тут дешевые, дом ведь под снос.

Под ногами на лестнице похрустывали битые бутылки. Ноги мои шагали не слишком уверенно, и я придерживался за старые чугунные перила, сделанные в виде причудливого узора, — розы, ветки, листья сплелись по логике, понятной только автору. Судорожно моргала лампочка на втором этаже — единственная на всю парадную. Она моргала, жужжала и искрила вот уже второй год, но все держалась. Под ней на корточках курило нечто в капюшоне, нечесанные космы падают на лицо, не разберешь, какого пола. Темные глаза внимательно проводили меня из-под капюшона.

Ну вот, наконец, моя «конура».

Я открыл дверь с третьей попытки, подсвечивая себе телефоном. Раздался оглушительный грохот, когда пивные банки, сваленные в коридоре, разлетелись. Я заматерился, включая свет.

Конечно, не хоромы. Маленький коридорчик, кухонька метров 6 да комната. Ногой отшвырнув

банки, переступил через гору обуви, мельком глянул в разбитое зеркало, привычным жестом нажал кнопку на блоке питания компьютера в комнате. В квартире был неприятный затхлый запах, отчасти из-за долгого отсутствия, отчасти оттого, что я давненько не прибирался.

Я критическим взглядом оглядел батарею бутылок возле дивана, грязные тарелки, расставленные по комнате в хаотическом беспорядке, журналы и книги, вперемешку наваленные на кресло, джинсы, свисающие со стула, носки на полу.

Помнится, перед аварией я здорово набрался.

Убирать сейчас не было сил, от противной слабости дрожали колени, и поломанная нога противно заныла, но я был в привычной обстановке, и я был один. Мое старенькое компьютерное кресло манило, и я собирался поддаться этому зову. Интернет, как ни странно, еще не отрубили, наверно, мама оплатила счета. Придется искать новую работу, на старом месте давно нашли мне замену.

Противный дребезжащий звонок прервал мои раздумья. Я открыл дверь, уже зная, кто мог пожаловать, — Паша, мой приятель. Пашина семья жила по соседству с мамой, и мы были приятелями лет с трех.

— Мама? — бросил я вместо приветствия,

открывая дверь.

Паша чуть пригнулся, проходя в дверь, хотя необходимости в том не было, но привычка брала свое. Он был под два метра ростом и постоянно стучался головой, поэтому привык втягивать ее в плечи с надобностью и без.

Паша перешагнул через банки и брезгливо поморщился.

— Она самая. Позвонила, сказала, ты выписался.

— И попросила тебя проконтролировать.

— Она беспокоится за тебя. Выглядишь, кстати, отвратительно.

— Спасибо.

— Воняет кислятиной, развел тут свинарник.

Паша заглянул в комнату и поцокал языком.

— Где у тебя мусорные пакеты?

— Слушай, я только пришел домой и не успел еще прибраться.

— Я не хочу сидеть в этом хлеву. Хотя нет, назвать это хлевом — значит оскорбить бедных животных.

Я пожал плечами и не стал спорить. Паша комично смотрелся в дорогом костюме, весь такой прилизанный и благоухающий, и с огромным мусорным мешком. Видно, пришел ко мне сразу после работы, а работал он нотариусом. Этот тип умудрился убраться мусор, не поставив ни одного

пятна на брюки со стрелочками.

— Нога болит? — поинтересовался он, глядя, как я морщусь, садясь в кресло.

— Ноет, зараза.

— Считай, тебе повезло, что она у тебя осталась.

— Спасибо, посочувствовал, блин.

— Неудивительно, что попал под машину, ты же не просыхал недели две.

— Только не начинай, ладно?

— Да ты посмотри, как ты живешь? А работа?

— А что работа? Работа как работа.

— Диспетчер в такси? У тебя же диплом!

— Меня устраивает.

— С таким отчимом, как у тебя? Он бы пристроил тебя как надо.

— Нет! Я не буду иметь с этим ублюдком ничего общего.

— С таким образованием можешь устроиться и без него. Возьмись за ум, найди достойную работу, нормальную девчонку, квартиру, в конце концов!

Я усмехнулся. Последние отношения закончились плачевно.

Алисе нужно было приключение, а мне — секс. Но такие обоюдопользные отношения продлились не долго.

— Да ты просто псих! Ты же даже не живешь,

похож на зомби! — орала на меня Алиса в нашу последнюю встречу.

— А если я отвечу, что не живу, а жду, пока сдохну?

— Все, с меня хватит, я уйду. Счастливо подохнуть, придурок.

После Алисы я твердо решил — никаких постоянных отношений. И ответил Паше:

— Как-то не складывается.

— Ты похож на опустившегося наркошу, и если бы не твоя нелюбовь к зеркалам, ты бы сам это заметил. По-моему, тебе нужна помощь специалиста.

Любого другого я бы послал, но не Пашу. Ему искренне было не наплевать, и я терпел, благо виделись мы раз в полгода, не чаще.

Паша посидел еще с полчаса, мы поговорили, не затрагивая больше сложные темы, а потом я завалился спать.

Почему люки круглые?

Время побежало быстро, как в тумане, из-за лекарств и слабости, но мне было 25, молодость брала свое. Через неделю я смог ходить, не останавливаясь каждые сто шагов, через месяц уже легко взбегал по лестнице.

Нужно было искать новую работу, на

прошлом месте меня никто не ждал. Я залез в интернет, выписал с десятков телефонов, сунул в уши наушники и вышел из дома в серое, холодное и безрадостное ноябрьское утро. Последние желтые листья трепетали на деревьях, а их собратья устилали землю. Злобный ветер кусал щеки, и я натянул капюшон.

Собеседования всегда одинаковы, прошел парочку — и для тебя уже нет сюрпризов: заполните анкету, подождите в коридоре, ответьте на парочку дебильных вопросов типа «Почему вы покинули прежнее место работы», «Кем вы видите себя через год?» или «Почему люки круглые?»

Я закончил с первым, вышел из тесного и душного помещения и зашагал улице. Пришлось бы слишком долго идти, чтобы попасть на следующее, и я пошел к остановке. Вокруг бурлила жизнь — в центре всегда много машин и людей, особенно ближе к центральному вокзалу. Я бездумно скользил глазами по лицам прохожих, в ушах звучала любимая песня; спасибо тем, кто придумал наушники, — с ними легко можно уйти от повседневной серости и суеты. Я шел и ни о чем не думал, ничего не вспоминал, я давно научился этому состоянию и не мог спровоцировать себя, тем не менее, это произошло. Мимо прошел мужчина в капюшоне, и синие глаза резанули по мне. Дошло не сразу — через пару шагов, и я затормозил,

развернулся, обшаривая взглядом спины уходящих. Его больше не было.

Синеглазый из моих коматозных снов.

«Нет, не коматозных, а, скорее, посмертных», — ехидно отметил внутренний голос.

Я почти забыл про эти бредовые видения — после клинической смерти чего только не увидишь.

«Увидеть какой-нибудь свет в конце туннеля было бы логичнее», — не унимался голос.

Заткнись, тебя не спрашивали! Свет и туннели не для меня.

Я забил на собеседование и незаметно оказался в своем дворе, присел на лавочку. Кто-то рядом припарковал дорогой джип, он сверкал тонированными стеклами в неожиданно появившемся солнце и пускал солнечных зайчиков зеркалами, а веточка акации судорожно билась о полированную крышу. Я опустил глаза и стал разглядывать колеса.

Или я схожу с ума? Глупый вопрос, давно уже двинулся. Но синеглазый на улице? Наяву и в трезвом виде? И что теперь делать?

Ответ — забить и жить дальше, как я поступал много раз до этого.

Я встал со скамейки и, не дав своему внутреннему голосу прокомментировать последнюю мысль, отправился на собеседование.

Гладковыбритый хлыщ, который сидел за

столом, мне не понравился. Его речь лилась рекой и весь он был такой прилизанный, скользкий.

— Вы можете зарабатывать столько, сколько сами захотите! Все зависит от ваших приоритетов и трудолюбия. Мы поощряем новых сотрудников: бесплатное обучение, гарантированные бонусы.

Что я здесь делаю?

— В объявлении вы говорили, что вам требуются кладовщики.

— Зачем вам быть кладовщиком, если я предлагаю вариант лучше? Давайте мы раскроем ваш потенциал. Для этого вот что вам нужно сделать...

— Когда мне говорят, что делать, у меня есть прекрасный ответ. Вот он — а не пошел бы ты в задницу.

Я встал, чтобы выйти из комнаты, когда воздух вокруг пошел рябью.

Нет, нет, только не это! Только не здесь!

— Эй, парень? Ты чего это?

Комната задрожала.

— Что тут нафиг происходит? — в голосе рекрутера зазвучала паника.

Я схватился за голову и, спотыкаясь, попытался выбежать, но дверь ходила ходуном, я ударялся о стены и не мог попасть к ней. Багрово-синие полосы мелькали в глазах, где-то рядом закричала женщина.

Комната вела себя отвратительно, постоянно меняла очертания, и от этого мутило. Я закрыл глаза, подавил панику и по памяти пошел в сторону двери; не открывая глаза; нащупал ручку. Черт, до чего длинный коридор, а потом еще лестница! Но приступ уже пошел на убыль, и через пару минут я вывалился на улицу, злой и потный. Думаю, что здесь меня не возьмут на работу даже неразборчивые сетевики.

На сегодня мои поиски, пожалуй, закончены, сейчас я не смогу с фальшивой улыбкой спокойно отвечать на вопросы. Домой тоже не хотелось. Я уже знал, куда пойду.

Галлюцинация

Парочка ворон кружила над мусорной кучей, издавая отвратительные звуки. За холмом справа от меня медленно садилось тусклое осеннее солнце, а слева небо уже темнело. В сумерках свалка выглядела весьма постапокалиптически, можно было представить, что на земле была война, где люди уничтожили друг друга, и теперь всюду только мусор и голодные зомби, или что на нас напали инопланетные захватчики и города стоят в руинах, а храбрые партизаны ведут подпольную борьбу. Раньше я любил играть в подобные игры, можно было представить себе что угодно. Сейчас я боялся

это делать.

Удобно устроившись на старом столе для пинг-понга или, вернее, на том, что от него осталось, я потягивал пиво. Вороны затеяли драку.

— Любишь уединенные места.

От неожиданности я подскочил. Рядом со мной на столе сидел синеглазый.

— В чем дело, Артур? Нервы шалят?

Это было не так, как я привык. Не дрожал воздух, перспектива не вытворяла странных вещей, все как положено — закат справа, свалка прямо, воронье над головой.

И я точно не сплю.

— Да кто ты такой? — спросил я.

— Ты меня не узнаешь? Это не очень-то вежливо, ведь я спасал тебе жизнь.

— Это не считается, — я допил пиво и швырнул подальше пустую бутылку.

— И почему же?

— Это было во сне.

Синеглазый расхохотался, искренне, от души, сверкая белозубой улыбкой и вытирая слезы в уголках глаз.

— Ну ты даешь!

— Ты следил за мной?

— Нет, зачем? — незнакомец пожал плечами, — достаточно понять тебя, и тогда, — тут он выдержал драматическую паузу, — тогда найти

тебя не сложно. Я уже понял, какого типа места ты предпочитаешь.

— Какой понятливый.

— Ты реагируешь спокойно. Впрочем, я другого и не ожидал. Сегодня тяжелый выдался денек, да?

— Чего тебе надо?

— Помочь хочу.

— А взамен потребуешь мою душу, да? Я твоей помощи не просил.

— Ну да, ты же гордый. Будешь молча страдать и заливать свое вселенское горе дешевым пивом. Как нога, кстати?

— Спасибо, хорошо.

Я поднялся, чтобы уйти.

— Я знаю, почему ты так живешь.

Моя нога замерла над землей.

— Так — это как?

— Как отщепенец, как отброс общества. Почему ты ненавидишь себя и свою жизнь?

— Да иди ты в задницу. Что ты можешь знать о моей жизни, галлюцинация хренова!

— Вот почему ты так спокоен? Внушил себе, что меня на самом деле нет? Я вполне реален, можно сказать, я единственная реальность в твоей пустой, трусливой и никчемной жизни.

— Иди к черту! Нормальная у меня жизнь!

— Тогда зачем пытаться закончить ее так

поспешно?

— О чем это ты?

— Да брось! Наверно, ты здорово был разочарован, — столько переломов, и все зря!

— Это был несчастный случай.

— Конечно же! Как же еще назвать то, что человек нечаянно-намеренно кидается под колеса грузовика. Почему ты выбрал грузовик, кстати? Думал, надежнее? Просчитался, легковушка тебя бы добила, а у грузовика привод высокий. Ты завалился между колесами — вот незадача!

Я не выдержал и набросился на синеглазого, но кулак прошел сквозь воздух — его больше не было на столе, он стоял за моей спиной.

— Злость — это хорошо, а то ты как неживой.

— Оставь меня в покое!

— Скажи это своему отражению в зеркале! В разбитом зеркале! — тихий смех растворился в темноте. Я был на свалке совершенно один, злощий и растерянный.

Подсознание подсказывало, что не стоит даже пытаться как-то осмыслить происходящее, но мозг упрямо строил теории, выдавая одну версию за другой.

Скорее всего, я просто сумасшедший и закончу свою жизнь в психушке.

Я выбрался со свалки и пошел по улице к остановке. Был час пик, маршрутки чуть не

лопались от обилия пассажиров, и дорога домой оказалась неприятной, зато давка отвлекла от невеселых мыслей. Когда тебя пытаются выдавить, словно пасту из тюбика, — думать не получается. Я устал, продрог, проголодался и, открывая дверь, сосредоточился на желании глотнуть чего-то горячего и перекусить.

Через пару минут чайник уютно засвистел, и я заварил себе полуфабрикат лапши, сделал кофе и устроился со всем этим перед компьютером. Нужно было продолжать поиски работы — брать деньги у мамы становилось все неприятнее. Я уже поел, когда звонок в дверь отвлек меня от путешествий по страницам интернета. Странно, ко мне гости приходят редко, а время позднее.

За дверью была только темнота. Я пожал плечами и вернулся на свое место. Возможно, мальчишки балуются. Но спокойствие из комнаты куда-то делось. Тени сгустились, зеркало в коридоре зловеще поблескивало, в кухне слышались тревожные шорохи. Я сопротивлялся наваждению, даже надел наушники, но почти сразу же снял — в них каждый звук казался громче в два раза. Появилось неуютное ощущение, что за спиной кто-то стоит. В конце концов мне это надоело, я вскочил, отшвырнув стул. Конечно, в комнате никого не было. На всякий случай пошел на кухню, убил парочку тараканов и, выходя, не стал

выключать свет. Прошел по коридору, мельком глянув в разбитое зеркало, но осознал, что увидел, уже в комнате и ощутил, как медленно каждый волосок на теле становится дыбом. В квартире никого не было, но все же...

«Не смотри в него, — подсказывал внутренний голос. — Лучше спать иди, а утром все будет как всегда».

Каждый шаг давался с трудом.

На деревянных ногах я вернулся в коридор. Прихотливый узор трещин вился по стеклу, как паутина, и на секунду мне показалось, что эта паутина стремительно расплзается по стене, полу, прямо к моим ногам. Я заглянул в зеркало. Секунду ничего не было понятно, а потом я отчетливо увидел его прямо за спиной.

Он положил мне руку на плечо, и я закричал, оборачиваясь.

— Нервничаешь? — синеглазый усмехнулся, глядя, как я вжимаюсь спиной в стенку.

Отвечать не хотелось, и я присел на пол под зеркалом, чтобы перевести дыхание. Синеглазый опустился на корточки, критически меня оглядывая.

— Не спросишь, как я попал к тебе?

— Звонок в дверь, — лаконично ответил я. Говорить вообще не хотелось.

— Не все так плохо, молодец!

Я сидел, уставившись в одну точку, и старался

ни о чем не думать.

— Это не поможет, — сочувственно сказал синеглазый. — Слушай, а злобно ты зеркало приложил. Наверно, отстойно смотреть в него и видеть не свое лицо.

— Откуда ты знаешь? — поднял я глаза на него.

— Я много знаю о тебе.

Синеглазый устроился напротив меня, тоже прислонясь спиной к стене.

— С чего все началось? — спросил он тихо.

— Иди к черту.

— Так не должно было быть. С тобой не должно было происходить всего этого.

Против воли меня затянуло в омут воспоминаний, темный и глубокий. Всеми силами я старался не допускать туда свою память, боялся, что меня затянет эта черная глубокая вода, так, что никогда уже не смогу выплыть.

Раньше мы были счастливой семьей — мама, Игорь и я. Пока что-то сидящее глубоко во мне не проснулось и не разрушило все. Сначала, лет с десяти, — кошмары. Воспоминания о том, чего быть не могло, странные видения. Мама водила меня к врачам, отчим таскал по спортивным секциям — «в здоровом теле здоровый дух», вот его любимое изречение.

Это было еще терпимо.

Потом как-то утром я посмотрел в зеркало и не узнал себя. Там было чужое лицо. Тогда-то я и разбил свое первое зеркало. Дальше становилось только хуже — галлюцинации, припадки, агрессия. Игорь, который сначала хорошо ко мне относился, теперь не переносил. Каждый день начинался с разговоров о том, что меня нужно лечить, и предложений различных психиатрических лечебниц. Он был готов заплатить любые деньги, только бы избавиться от меня. Мама плакала, я злился, отчим орал. Этот ад продолжался до тех пор, пока я не ушел из дома в пятнадцать лет. Было легче, когда никто не видел моей агонии.

Кое-как я приспособился, перестал смотреть в зеркало и смирился с судьбой. Можно сказать, я стал фаталистом.

Но и это не было самым страшным.

Золотая змея

В полутемной камерке пахло чем-то затхлым. Глаза после бессонной ночи, проведенной за монитором, слезились, а дневной свет казался чем-то чужеродным, неправильным. Кто-нибудь там, выключите солнце.

— Эй, Артур! Забирай.

Коренастый мужик с лицом, напоминавшим картошку, на которой лопатой смеха ради вырезали

физиономию, — мой начальник — протягивал небольшую пачку денег. Я пересчитал и сунул зарплату в карман. Во дворе водители пили кофе из пластиковых стаканчиков и обменивались впечатлениями за ночь. Выходя, я махнул им рукой.

Ночной диспетчер в такси — не ахти какая работа, но меня устраивала.

Ноги сами несли к остановке.

Я пристроился в уголке автобуса. От мерного покачивания и духоты голова затуманивалась и глаза закрывались сами собой.

Находясь в состоянии полудремы, я периодически заставлял себя открывать глаза, чтобы не заснуть окончательно и не пропустить свою остановку.

Рядом был поручень, и я наблюдал, как сменяются на нем руки. Вот мужская рука с толстыми красными пальцами; вот сухая, как куриная лапа, вся в венах рука старухи; изящная с наманикюренными ноготками; совсем юная с черными короткими ногтями и кольцом в виде черепа.

Я поймал себя на том, что почти сплю, а перед глазами покачивается золотая змея, вместо глаз — изумруды. Она изящно обвила женский палец. Какое оригинальное кольцо.

Змея с тихим шипением стала сползать с пальца, одновременно увеличиваясь в размере.

Я покрутил головой.

Мне не привыкать к странностям, чего стоит только каждое утро смотреть в зеркало и видеть не себя, а какого-то незнакомого парнишу, — но такого еще не было. Наверно, я таки уснул.

Змея уже достигла натурального размера и, поднимаясь по поручню, тянулась ко мне.

Это просто сон. Нужно проснуться.

Щеки коснулась холодная чешуя.

Я заорал и отпрянул, одновременно пытаюсь оттолкнуть скользкое змеиное тело.

Люди за моей спиной, в которых я со всей силы врезался, протестующе закричали, кто-то ругался.

— Наркоман чертов, ты вообще обалдел?!

— Да что ты творишь, придурок!

— Идиот!

— Больной!

Поднялся невообразимы гвалт, автобус затормозил, и я выкатился через открывшуюся заднюю дверь, ощутив спиной чувствительный пинок.

Не помню, как оказался дома. Не помню, что было потом, помню только, что это было отвратительно. Змеи, тараканы, черви — довольно банально, как в фильмах про ведьм. Огонь, в котором я сгорал в различных вариациях, — уже интереснее. Вода — своеобразный опыт утонуть в

собственном душе. Дальше пошли привидения, монстры и даже зомби — опять банально. Я быстро понял, что это плоды больного мозга, и, наверно, если бы мог — обратился бы к врачам, но только я не мог. Идя в одну сторону, я оказывался в другой, шел в парк, а приходил в себя за городом на трассе. Сколько раз рука тянулась к ножу, чтобы перерезать себе вены и покончить с этим? Сколько раз я взбирался на крыши, чтобы спрыгнуть? Один раз умереть лучше, чем делать это много раз подряд, да еще мучительно. Но вот что интересно — стоило мне решиться на самоубийство, как я снова обретал волю, и мое сознание не выделявало кульбиты.

— Ты не сделал этого тогда. Не покончил с собой.

Синеглазый ходил по комнате, хватая все, что попадалось под руку, а потом небрежно отбрасывая. В углу собралась уже порядочная куча.

— Может, зря, — я пожал плечами.

— Жалкое существо.

— Чего тебе надо?

— Хочу помочь.

— Слышал уже. Зачем?

— Ты вызываешь определенный интерес. Ты можешь пригодиться, если тебя подправить.

— Ты говоришь обо мне, как о вещи.

— Разве? Ну, может, и так. Слушай внимательно, Артур. Если тебе не хочется жить — я просто уйду, и поверь, твоя смерть не заставит себя ждать. Ты ходячий мертвец — тебя уже приговорили. Но, может, интереснее понять, что происходит с тобой и вокруг тебя, понять и сопротивляться.

— Что происходит? Я всего лишь психопат.

— Не будь тупее, чем кажешься.

— Может, и ты плод моего воображения.

— Так ты сдаешься? Идешь, как корова, на бойню?

— Кому нужно меня убивать?

— Это уже вопрос по делу. Согласен бороться?

— Нет. Единственное, с чем я борюсь, — так это со своим взбесившимся мозгом.

— Я разочарован, Артур. Очень разочарован.

Шепот синеглазого растворился в тусклых лучах осеннего утра, и не было в квартире ничего странного, и все было так обыденно. Синеглазый исчез. Я обреченно встал, перекусил, отправился на поиски работы.

Следующая неделя прошла спокойно. Я устроился оператором в маленький магазин и почти вошел в старый ритм жизни — но только почти. Все было бы, как раньше, если бы синеглазый подонок не являлся ко мне вечерами без

приглашения и не нашептывал отвратительные небылицы. Это были странные, сюрреалистичные беседы в темноте — не сон и не явь.

— Когда ты видишь нечто невероятное — не верь своим глазам. Верь чувствам, — наставлял меня незнакомец. — Все, что вокруг, — иллюзия, обман. Научись распознавать его, и ты станешь хозяином положения.

— Разумеется, мои галлюцинации — обман. Я и так это знаю.

— У тебя нет галлюцинаций. Твой мозг здоров.

— Но ты сам сказал!

— Я сказал, что твои видения — обман. Но тебя обманывает не твой мозг.

— Не понимаю.

— Потому что ты балда.

— Сам балда. И почему ты еще здесь? Иди к черту, я спать хочу.

— Верь своему обонянию, осязанию, своей памяти. Реальность не меняется.

Я могу заставить тебя видеть то, чего нет

— Тратишь последние дни своей никчемной жизни на жалкие и никому не нужные попытки казаться нормальным? — насмешливый голос,

который я уже ненавидел.

— Опять ты тут? Почему я не могу избавиться от тебя?

— У тебя осталось мало времени. Я бы посоветовал тебе уехать, но, пока ты не умеешь маскироваться, это всего лишь даст тебе маленькую отсрочку.

— Никто не покушается на мою жизнь.

— Идиот. Тебе нужно научиться прятать себя.

— Это как? Засунуть себя в ящик или закопать во дворе?

Синеглазый исчез, зато в комнате появилась кадка с фикусом. Я попытался потрогать ее рукой, но там была лишь пустота, а кадка исчезла. Зато опять появился синеглазый.

— Видишь, я могу заставить тебя видеть то, чего нет, но не могу заставить тебя осознать это. Ты знаешь, что растения в твоей комнате не существует. Но если ты поверишь иллюзии, то сможешь убедить свой мозг, а он уже даст тебе все остальное. Вывод — не верь глазам своим, и не будешь обманут.

— Ты всего лишь плод моего больного воображения. Просто шизофрения перешла на новый уровень.

— Артур, не обижайся, но ты идиот.

— Мне часто так говорят, я уже привык. А ты иди на фиг!

— Они любят играть со своей жертвой, как кошка с мышкой, поэтому не будут убивать тебя сразу, сначала позабавятся. Ты неплохо сопротивлялся, когда тебя пытались принудить к самоубийству, но все же сдался.

— Они? Да что это за «они»?

— Это несущественно сейчас. Если ты докажешь, что можешь бороться, я расскажу тебе больше.

Внезапно мое одеяло стало вести себя агрессивно и принялось душить меня, пользуясь уголками вместо рук. Я отшвырнул его.

— Хорошо, но это просто. А если так?

Жухлый цветок на окне, который я забывал поливать, подарок мамы, внезапно начал расти. Он разрастался и разрастался, заполняя комнату, массивные стебли оплетали ноги и руки. Я заорал и стал отбиваться.

— Нет, так не годится. Страх полностью поглотил тебя, и ты уже не в состоянии мыслить. Ты сам убедил себя, что происходящее — правда, а значит, обрек себя на гибель. Ты ведь понимаешь, что так растения ведут себя только в дешевых ужастиках. Заставь себя вернуться к реальности, не принимай обман.

Агрессивные лианы превратились в легкий дымок и растаяли.

— Что ты делаешь? — закричал я на

синеглазого. — Кто ты такой?

— Я плод твоего воображения, разве нет? Попробуем еще раз.

Лианы снова появились и стали подбираться ко мне. Я напомнил себе, что все происходящее мне кажется, и уверенно схватил один из отростков. Он растаял легким дымком.

— Уже лучше, — одобрительно заметил синеглазый, развалившийся в моем кресле.

— Если я могу справиться с одной иллюзией, отчего не могу с другой, — сказал я и, резко встав, схватил синеглазого за руку. Но он не исчез и не стал дымом, я ощутил вполне правдоподобную конечность, чуть прохладнее моей руки. А затем меня отшвырнули обратно на кровать.

— Хорошая попытка, но я настоящий.

Это озадачило меня, потому что я был уверен, что синеглазый — всего лишь мой очередной психоз. И все же, все же! Может, мне показалось, что его рука немного тоньше, чем кажется на первый взгляд? Я легко обхватил ее своими пальцами.

— Ты можешь убедить собственный мозг, что твои видения реальны. Это вроде бы не очень полезное умение, но только на первый взгляд. Если научиться проецировать его наружу, ты сможешь заставить других верить в твои иллюзии.

— Как это делаешь ты?

— Как это делаю я.

— Если бы такое было возможно, то люди давно пользовались бы таким умением, и наш мир стал бы хаосом.

— Меньше думай о других и больше о себе. Если ты не научишься этому, то погибнешь.

— А что тебе за дело до моей смерти?

— У меня есть определенный интерес.

Я фыркнул.

— Конечно, я ведь не альтруист, — синеглазый пожал плечами.

— Какой у тебя интерес? Зачем тебе, чтобы я жил?

— Мне не нужно, чтобы ты жил. Разве только ты сможешь...

— Смогу что?

— Сосредоточься на проблеме собственного выживания. Если ты не сможешь сам себе, то никто тебе не поможет. Попробуем вот что.

И на меня вдруг стал валиться шкаф...

Сколько веревочке ни виться а конец будет

Эта старая народная мудрость звучала в моей голове на разные лады, пока я смотрел на бесконечное количество собственных отражений.

Синеглазый предупреждал меня, а я не верил.

Он не явился вечером раздражать меня, и я обрадовался этому, подумал — наконец у моей головы просветление. Но думал я так недолго, ровно до тех пор, как асфальт на улице, по которой я шел на работу, превратился в пышущую жаром, потрескавшуюся, зыбкую поверхность. Вокруг потемнело, воздух пах серой; дома, пешеходы, машины — все исчезло. В разломах земли булькала лава. Странное видение, глупое и неправдоподобное, хотя раньше я, наверно, решил бы, что попал в ад. Может, уроки синеглазого не прошли даром, потому что я не впал в ступор, а стал думать, как избавиться от наваждения, и не придумал ничего лучшего, как продолжать идти вперед. Под ногами отчетливо ощущался твердый и надежный асфальт, видение задрожало и растаяло дымком.

Значит, синеглазый был прав — я могу управлять этим. А может, синеглазый — это просто попытка моего организма самоизлечиться? Но его рука, схваченная мною впотьмах, была такой чертовски реальной. Я прошел без приключений еще два квартала и свернул направо.

Двое в форме милиционеров подошли ко мне.

— Простите, но вы должны пойти с нами.

— А что случилось?

— Пойдемте. Объяснения потом.

Я кивнул, пытаюсь сообразить, в связи с чем

простого парня вроде меня могут задержать посреди улицы, — и не находил причин. У меня даже документы не спросили. От размышлений отвлекло позвякивание. Наручники?

Тут в голове всплыли многочисленные предупреждения синеглазого.

«Не верь глазам своим», «Они будут играть с тобой, как кошка со своей добычей», «Ты ходячий мертвец, тебя приговорили», «Если не поможешь сам себе, то никто тебе не поможет».

Милиционеры были странные, мне они не нравились.

Поэтому я оттолкнул пытавшегося пристроить ко мне наручники и побежал. Бегал я не очень быстро, еще не оправился до конца от травм, но милиционеры меня догнать не смогли. Они появлялись то справа, то слева от меня, а когда я уже готов был сдаться и поверить, что это не обман, вдруг исчезли. Я огляделся и обнаружил, что нахожусь далеко от нужного мне места, совсем в другой стороне. Теперь не успею на работу вовремя, и опять придется выслушивать зудение начальства по этому поводу.

Я зашагал в нужном направлении, прихрамывая, — нога уже здорово ныла от резких нагрузок. Но далеко я пройти снова не смог — отвлекли гул и потрескивание рядом. Через дорогу стоял старый пятиэтажный дом — от него-то и

исходили шумы. Здание подрагивало и сыпало штукатуркой, и я понял, что сейчас будет, — оно рухнет и, вполне возможно, погребет под обломками меня. Я бросился бежать, понимая, что не успею, пробежал пару кварталов и тогда позволил себе обернуться. За клубами пыли ничего невозможно было разглядеть, но мне показалось, что я слышу вой сирен.

Я присел на ступеньку возле магазина. Свитер под курткой весь пропитался потом, ноги дрожали от усталости. Хорошо, что работа у меня сидячая, сейчас усажу свой зад на стул в подвале и весь день не буду вставать.

Отдохнув минут десять, я прикинул, в какую сторону идти. Странно, — видимо, носясь по городу, я совсем утратил чувство направления, потому что опять был совсем не там, где думал. До магазина, в котором я был оператором, оставалось идти не более пяти минут, а думал, что намного дольше. Я ковылял в нужном направлении, пока не увидел знакомую вывеску, толкнул дверь — и сразу понял, что попался.

Дверь выглядела, как и должна была выглядеть дверь служебного входа в магазин, но по ощущениям она была намного больше и тяжелее, и вместо знакомой суеты в узком коридоре магазина меня окружала темная пустота.

Страх навалился сразу — густой,

вязко-холодный, потому что я понял, что попал в ловушку, и, возможно, сейчас меня убьют. Синеглазый предупредил меня, а я не верил.

Говорят, что в критические моменты реакция ускоряется настолько, что время словно замирает. Наверно, поэтому за несколько секунд в голове пронеслись сотни мыслей, и мне вдруг стало все абсолютно ясно.

Не было милиционеров, как не было упавшего дома, меня просто гнали в нужном направлении, подкидывая необходимые раздражители, чтобы я двигался по запланированному маршруту, как лабораторная крыса в лабиринте.

Сначала проверили мою реакцию, подкинув вулканическую землю, потом использовали полученные результаты наблюдения, чтобы уже наверняка воздействовать на мозг.

Как там говорил синеглазый? «Они будут играть с тобой, потому что для них это любимое развлечение».

Сколько веревочке ни виться, а конец будет. Со мной поиграли достаточно, а теперь они сделают свое дело.

Раз уж все равно умирать, то нужно хотя бы видеть, что происходит. Это отвратительно — сгинуть вот так в темноте, не зная, откуда придет конец. Во мне все восставало против такой жалкой смерти, смерти утопленного в ведре щенка, когда

не можешь даже сопротивляться и просто ждешь.

Я развел в стороны руки и, насколько мог, быстро пошел вперед, пока не наткнулся на стену. Помещение большое. Я прыгнул вперед, перекатился, задел плечом что-то твердое и побежал вдоль стены, ведя по ней рукой. Дверь? Да, точно, — дверь. Я с разбегу толкнул ее, влетел в другое помещение и сразу застыл. Множество отражений потного, тяжело дышащего, растрепанного парня с расширенными от страха глазами уставились на меня.

Да, вот таким они меня видят — жалкое зрелище.

Комната, полная зеркал, или очередная иллюзия? Я никогда не смогу узнать этого, ведь я не знаю, где нахожусь, и у меня нет времени неспешно исследовать помещение, чтобы разобраться, как оно может выглядеть на самом деле. Я всем телом ощущал приближение убийцы. Что это будет, нож? Или пистолет? Нет, если пистолет, то давно уже можно было стрелять.

«Ты можешь убедить собственный мозг, что твои видения реальны. Это вроде бы не очень полезное умение, но только на первый взгляд. Если научиться проецировать его наружу, ты сможешь заставить других верить в твои иллюзии».

Вот он, единственный и маленький шанс выжить, а жить мне хотелось. Я словно вдохнул

чистый воздух после долгих лет жизни в подвале, словно увидел солнце после долгой ночи. Я не сумасшедший, просто вокруг меня творится нечто такое, во что тяжело поверить. Как глупо понять это и умереть, так и не выяснив, что же, собственно, происходит!

Я прыгнул вперед, и нога отозвалась болью. Стоять на месте и не двигаться — значит быть удобной жертвой, а я этого не хотел. Одновременно я закрыл глаза и изо всех сил оттолкнул от себя образ комнаты с зеркалами. Что здесь может быть — заброшенный дом? Стройка? В любом случае я не мог уйти дальше, чем на пару километров от района, в котором меня застала первая галлюцинация. Здание, куда меня заманили, должно быть, во-первых, довольно большим, то есть это не квартира; во-вторых, пустым — неудобно убивать в людных местах. Первое, что пришло в голову, — ночной клуб. Он как раз где-то в этом районе. Сейчас около восьми, уборщики приходят к десяти, остальные работники — только после обеда, я это знал, потому что пытался устроиться сюда на работу пару лет назад. Если каким-то образом отвлечь охрану и раздобыть ключи, — то вот тебе удобное место.

Неважно, угадал я или нет главное, что теперь можно было удерживать в голове правдоподобную картинку. Первое помещение, куда я попал,

наверно, танцзал, а это какая-то служебная комната. Склад? Пусть будет склад. Нет времени думать.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть зеркала.

Коробки с пивом, упаковки колы, салфетки. Что еще может быть на складе? Много, много коробок, за которыми не видно меня. Представляя коробки, я одновременно обходил комнату по периметру, пытаюсь найти дверь, в которую вошел. И я все еще был жив.

Коробки помогали?

То ли от нервов, то ли от усилий, под закрытыми веками заплясали багровые и синие полосы. Удерживать в голове картинку с коробками было очень тяжело.

Рядом раздался какой-то шорох, и я ощутил движение. Меня сильно толкнули, и одновременно мои руки нащупали дверь. Я вывалился из комнаты, вскочил на ноги и открыл глаза, вспоминая, как выглядит главный зал клуба. В полумраке слабо виднелась дверь, и я, перебирая ногами изо всех сил, молился, чтобы она была не заперта.

Она была открыта, и я зажмурился от яркого света, но не остановился ни на секунду.

— Эй! Сюда!

Синеглазый стоял через дорогу и махал мне. Я, не задумываясь, кинулся к нему под гудки и пронзительный скрип тормозов.

— Полегче! Хочешь опять под машину

попасть? Быстрее, времени нет.

И мы побежали. Меняхватило кварталов на шесть. К горлу подкатила тошнота, в глазах потемнело, а собственные ноги послали куда подальше. Я остановился и оперся руками об колени.

— Ты чего? Эй!

Синеглазый притормозил и вернулся ко мне.

— Нужно передохнуть.

— Ну как, теперь ты мне веришь?

— Теперь да.

Я с трудом выпрямился. Бок неприятно саднило. Да откуда такая слабость? Я потер бок и тупо уставился на свою руку. Кровь?

Синеглазый втолкнул меня в подъезд рядом, прислонил к стене и бесцеремонно задрал свитер.

— Ерунда, — облегченно вздохнул он. — Просто царапина. Облокотись об меня.

Он поймал такси, и мы поехали куда-то. Если бы не слабость, то я бы, конечно, не дал ему увезти себя, потому что после произошедшего стал маниакально подозрителен, но на тот момент мне было слишком хреново. В голове прояснилось, только когда синеглазый втащил меня в какую-то квартиру, посадил на стол в кухне и облил бок спиртом. Вот тогда-то я и пришел в себя окончательно.

— Это чем так меня? Ножом? —

поинтересовался я, когда снова смог нормально говорить, одновременно осматриваясь. Маленькая кухонька, моя куртка и свитер валяются в углу.

— Чем-то таким. Тебе повезло.

— Я представлял везение как-то по-другому. Эй, ты что, собираешься воткнуть в меня это?

Синеглазый достал откуда-то кривую иглу и сейчас тщательно протирал ее спиртом.

— Расслабься, я знаю, что делаю.

— Я в этом не уверен.

Синеглазый усмехнулся и пшикнул мне на бок какой-то дрянью. Живот мгновенно онемел.

— Тебе крупно повезло, что смог остаться живым. Может, ты все-таки не безнадежен?

Игла воткнулась в тело, и я вздрогнул.

— Расскажи, как ты сделал это.

— Сделал что?

— Смог обмануть убийц. Как ты выжил? Тебе удалось почувствовать, где иллюзия, а где правда?

— Кто хочет убить меня? Зачем?

— Все узнаешь в свое время.

— Ты не отвечаешь на мои вопросы, с чего я буду отвечать на твои?

— Потому что от твоих ответов зависит твоя жизнь, — спокойно ответил синеглазый и вздохнул, почувствовав, как я напрягся.

— Я не сделаю тебе ничего плохого. Или ты думаешь, я напрасно потратил на тебя столько

времени?

— Ты так и не сказал, зачем тебе это.

— Я заинтересован в твоих умениях. Если ты научишься... Неважно. Потом расскажу. А сейчас отдохни. Я буду вечером.

Синеглазый ловко наклеил мне на бок пластырь, взял куртку и подошел к двери.

— Если у тебя есть хоть капля мозгов — не выходи из квартиры, — бросил он на прощание.

Я пожал плечами. Нет причин не доверять синеглазому, но как знать. Я, по сути, не знаком с ним, даже имени его не знаю. Зато знаю, что он умеет воздействовать на мозг, навевая миражи, так же, как и те, что хотят меня убить. Не сам ли он все это подстроил? Сам меня подрезал, а потом сам залатал? Нет, вряд ли. Но просто так никто помогать не будет, и синеглазый сам признался, что у него есть определенный интерес. Так что он ведет какую-то свою, непонятную игру.

Синеглазый вернулся под вечер и бросил мне под ноги спортивную сумку.

— Что это?

— Твое барахло. Все, что необходимо.

Я оглядел небольшую сумку.

— То есть домой я не вернусь?

— Только если ты еще глупее, чем кажешься.

Или хочешь умереть.

— Спасибо, очень тактичный ответ.